

ALEKSANDRA SZYMAŃSKA

Uniwersytet Łódzki
Wydział Filologiczny
Instytut Rusycystyki
Zakład Literatury i Kultury Rosyjskiej
90-226 Łódź
ul. Pomorska 171/173
aleksandra.shimanska@yandex.ru

**«СТАРЫЙ РОК», «СОГДЛЯДАТАЙ СУРОВЫЙ»,
«СЕРЖАНТ КОМАНДОРОВ». ТРАНСФОРМАЦИИ
ОБРАЗА КОМАНДОРА В РУССКОЙ ПОЭЗИИ
ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XX ВЕКА****FATE – THE COMMANDERS' SERGEANT:
TRANSFORMATIONS OF THE IMAGE OF AVENGER
OF THE FIRST HALF OF THE 20TH-CENT. RUSSIAN
POETRY REFERRING TO THE DON JUAN MYTH**

Предметом интереса в данной статье является поэма *Дон Жуан* Николая Оцупа – поэта первой волны русской эмиграции. Поэма подвергается сравнительному анализу со стихотворением Александра Блока *Шаги Командора* и с поэмой Давида Самойлова *Шаги Командорова*. Автором делается ряд замечаний по поводу общих для поэтов образов, символов, звуковых и цветовых характеристик. Анализ выбранных стихотворений приводит автора к раскрытию общей тенденции изображения Командора и разработки мотива расплаты в русской поэзии первой половины XX столетия.

Ключевые слова: А. Блок, Н. Оцуп, Д. Самойлов, Дон Жуан, Командор, мотив расплаты, интертекстуальность, эмиграция первой волны.

The aim of this article is to analyze the narrative poem *Don Juan* by Nikolai Otsup – a poet of the first wave of Russian emigration. Otsup's work is being compared with the poem *The Commander's Footsteps* by Aleksandr Blok and the narrative poem *Komandorov's Footsteps* by David Samoilov. The author pays attention to the similarities in poetic images, sound and colouristic symbols. Thanks to the contextualization of Otsup's narrative poem, the author discovers a common tendency in creating the poetic image of the Commander and in the motif of revenge in the Russian poetry of the first half of the 20th century.

Keywords: Aleksandr Blok, Nikolai Otsup, David Samoilov, Don Juan, Commander, motif of revenge, intertextuality, the first wave of Russian emigration.

Всеволод Багно, как один из первых исследователей, отметил, что вопреки распространенному мнению, основой для истории о Дон Жуане послужили не рассказы о распутном дворянине, а легенда об оскорблении мертвого¹. Багно проанализировал легенды о повесе, пригласившем на ужин череп, известные тоже русскому фольклору, с целью доказать основополагающую для привлекательности мифа о Дон Жуане роль мотива оскорбления мертвого².

В западноевропейской литературной традиции соединение двух легенд – о повесе, пригласившем на ужин череп, и о Севильском Обольстителе произошло в драме *Севильский озорник, или Каменный гость* (1630) Тирсо де Молины. С этого момента, развитие мифа шло по двум направлениям. Одни литераторы сосредоточивались на мотиве соблазителя, другие – приписывали особое значение мотивам оскорбления и наказания. Тенденция отдельных писателей очень часто отражалась уже в заглавиях произведений.

Для первой русской обработки известного мифа – *Каменного гостя* Александра Пушкина характерно, как замечает Геннадий Пиков, глубокое философское противопоставление Жизни и Смерти³. Жизненная энергия Дон Жуана противопоставляется здесь мертвенной статичности камня, из которого сделана мстящая фигура Командора. Почувствовав, после обольщения вдовы, прилив счастья и вспышку эгоизма, Дон Гуан совершает тягчайшее нравственное преступление – посылает мертвому мужу Донны Анны вызов. Превращение Пушкиным Командора из отца в мужа Анны позволило автору ввести в пьесу мотив мести из ревности, мотив супружеского долга и верности и вывести их на передний план. О притягательности и смыслообразующем потенциале разработанных Пушкиным мотивов свидетельствуют последующие русские обработки известного мифа.

Именно трансформация мотива возмездия привлекла наше внимание. В качестве аналитического материала послужат нам три стихотворения, написанные в XX столетии, которые, на наш взгляд, являются самым

¹ В. Багно, *Расплата за своеволие, или воля к жизни*, [в:] *Миф о Дон Жуане*, под ред. В. Багно, Санкт-Петербург: «Terra Fantastica» 2000, с. 6.

² В. Багно, «*Каменный гость*» Пушкина как перекресток древнейших легенд и мифов, [в:] он же, *Россия и Испания: общая граница*, Санкт-Петербург: «Наука» 2006, с. 235–241.

³ Г. Г. Пиков, *Дон Гуан и Дон Хуан: взгляд историка на проблему восприятия испанской культуры в России начала XIX века*, [в:] *Мифема «Дон Жуан» в музыкальном искусстве и литературе*, под ред. Б. А. Шиндина, Е. Г. Гуренко и др., Новосибирск: НГК 2002, с. 88.

ярким и интересным примером смыслового потенциала мотива расплаты, как важной составляющей донжуановского мифа.

Центральным произведением, которое подвергнется анализу, станет поэма Николая Оцупа *Дон Жуан* (1922–1923), которую рассмотрим в широком литературном контексте – с одной стороны, как пример интенсивного диалога поэзии Оцупа с наследием классиков и творчеством литераторов-современников, с другой, как одно из звеньев последующей литературной традиции в обработке интересующей нас темы. В связи с заявленной задачей, привлечем к рассмотрению известное стихотворение Александра Блока *Шаги Командора* (1912) и менее популярную поэму Давида Самойлова *Шаги Командорова* (1947, 1950).

Николай Оцуп долгое время оставался на периферии внимания исследователей литературы русского зарубежья. Системно-обобщающие работы о его творчестве стали появляться только в девяностые годы прошлого столетия⁴. Лишь в последнее время ученые взяли на себя задачу раскрыть авторскую концепцию художественного творчества Оцупа, указать на своеобразие его поэзии и на ее роль в поэтическом процессе XX века. В предстоящей статье мы постараемся дополнить существующие уже работы углубленным анализом поэмы *Дон Жуан*, что позволит нам указать на теснейшую связь поэзии Оцупа с вершинными достижениями русской литературы предшествующего времени.

Оцуп, благодаря заглавию поэмы, ставит ее в широкий литературный контекст, отсылая читателя к общеизвестным литературным обработкам легенды. Трудно, однако, в первых строфах произведения найти хотя бы малейший ее отзвук. Употребление семантически емких образов типа: «сырая луна», «за шлагбаумами скрип телег», звуковых характеристик: «скрип телег», «лес гудит», «дверь запела», «заскрипела половица», «резвый лай собак» приводит на память описание пошлого дачного поселка в *Незнакомке* Александра Блока. В поэме Оцупа, как и в стихотворении Блока, укрупняется пространственный план в описании предметной реальности⁵.

Вторая часть стихотворения Блока, благодаря приходу *Незнакомки*, переносит читателя в «иную» реальность⁶. Ее появление оказывается на границе реальности и иллюзии, яви и сна. Также поэма Оцупа полностью построена именно на контрапунктической комбинации сна и яви, фантастики и реальности. С той, однако, разницей, что в *Дон Жуане* ночью появляется прямо из «странного мифа» Командор.

⁴ См. Е. А. Сафонова, *Поэзия Н. А. Оцупа 1918–1930-х годов в культурно-историческом аспекте*. Автореферат диссертации на соиск. уч. степ. канд. филол. наук, Томск 2015.

⁵ По поводу стихотворения Блока писала об этом Дина Магомедова. См. Д. Магомедова, *Александр Блок «Незнакомка»: внутренняя структура и контекст прочтения*, «Вестник ПСТГУ» III: Филология, 2009, вып. 2 (16), с. 43, [Электронный ресурс] <http://pstgu.ru/download/1252604854.razbory.pdf> [20.07.2016].

⁶ Там же, с. 44.

Действие обеих поэм разворачивается, таким образом, в бытовом и метафорическом планах. Бытовой план в произведении Оцупа представляет история Эдит – рыбачки с «милым и простым лицом», которая изменила своему доброму и трудолюбивому мужу. Однако любовник оказался непостоянным в чувствах и скоро оставил тоскующую Эдит. Метафорический план связан с появлением из загробного мира призрака Командора, который оживает, чтобы стеречь жертву соблазнителя и вызвать подозрение и жажду мести в сердце осмеянного мужа.

Как видим, Оцуп не воспроизводит в своей поэме сюжет общеизвестной легенды, а пользуется донжуановской ситуацией любовного треугольника и мести осмеянного супруга. Причем, в поэме Оцупа основную для раскрытия смысла произведения функцию выполняет мотив мести. Такое решение ставит поэму Оцупа в один ряд с маленькой трагедией Пушкина и стихотворением *Шаги Командора* Блока – самыми яркими, на наш взгляд, в русской литературе примерами освещения темы загробного возмездия.

Смысловая связь с вышеупомянутыми произведениями осуществляется как на языковом, так и на сюжетном уровнях. У Оцупа, как и у Пушкина, жертва соблазнителя является женой, а не дочерью обманутого рыбака. Этот факт, в свою очередь, позволяет вспомнить произведения, в которых разрабатывается тема женской неверности, уходящая своими корнями к истории о матроне Эфесской⁷.

Командор в поэме Оцупа, несмотря на то, что он лишь сонное видение, призрак, протягивает обманутому мужу свою «каменную длань». Упоминание о камне заставляет читателя вспомнить известные толкования семантики этого материала в творчестве Пушкина⁸. Следует, однако, отметить, что у Оцупа «каменная длань» символизирует не только месть, но и руку помощи, которую обманутому мужу протягивает Командор. Другой также, чем в маленькой трагедии Пушкина, вид расплаты, который придумывает соблазнителью оцуповский Командор. Он оставляет соблазнителя в живых, предсказывая ему наказание в будущем. Ожидание должно быть страшнее, чем само возмездие.

Зато поведение оцуповского соблазнителя в момент угрозы жизни полностью напоминает подход к жизни пушкинского Дон Гуана. Он, наподобие своего предшественника, не испытывает ни угрызений совести, ни раскаяния и даже при виде смерти он готов жить только для любви. В момент, который может оказаться роковым для его судьбы, соблазнитель обижает привидение, обзывая его Соглядатаем. Бесстрашное поведение героя Оцупа близко романтической интерпретации Дон Жуана.

⁷ В. Багно, *«Каменный гость» Пушкина как перекресток...*, с. 237.

⁸ Р. О. Якобсон, *Статуя в поэтической мифологии Пушкина*, [в:] он же, *Работы по поэтике*, вступ. ст. Вяч. Вс. Иванов, сост. М. Л. Гаспаров, Москва: «Прогресс» 1987.

В связи с влиянием Пушкина на поэму Оцупа следует обратить внимание еще на одно проявление интертекстуальности, основанной на сюжетной памяти. Жертва соблазителя является женой рыбака, которая предала свою верность за «кирпичный дом». Рыбак, ставший свидетелем измены своей жены, встречает соперника словами:

«Вижу, человек столичный.
Эдит, повезло тебе.
Что же сударь: дом кирпичный
Не ровня простой избе.

Увози свою голубку!»⁹.

Нетрудно за этими словами услышать эхо пушкинской *Сказки о рыбаке и рыбке*, а в образе Эдит увидеть черты жадной старухи, мечтающей заменить крохотную землянку царской палатой. Построение ситуации на сюжетной памяти позволяет углубить трактовку образа Эдит.

Становится очевидным, что Оцуп, строя свое произведение на тонких намеках, культурной памяти читателя, пытается придать глубину происходящим в поэме событиям и ввести в банальную, на первый взгляд, историю вечные вопросы, которые расширяют поле восприятия произведения.

Как мы уже отметили в начале, Оцуп не ограничивается пушкинской традицией в трактовке донжуановского мифа. Ряд образов-символов, использованных им, сближает поэму со стихотворением поэта-современника, к которому Оцуп испытывал благоговение – Александра Блока. В поэме *Дон Жуан* ощутима не только память блоковской *Незнакомки*, но прежде всего, *Шагов Командора*.

В *Шагах Командора* Блок разрабатывает общеизвестный миф, сосредоточивая свое внимание на теме возмездия, что подчеркивается названием всего сборника стихотворений (*Шаги Командора* вошли в сборник, который Блок озаглавил *Возмездие*). Тема расплаты у Блока связана с темой смерти («бой часов»), с одной стороны, и темой измены, с другой. Причем, последняя тема освещается контекстом раннего творчества Блока, т. е. имеется в виду не столько измена Анны Командору, сколько измена лирического я своей героине – Деве Света¹⁰. Известная легенда о соблазнителе нарушается смертью Донны Анны. Ее отсутствие вызывает пустоту и холод.

⁹ Н. Оцуп, *Дон Жуан*, [в:] он же, *Океан времени: Стихотворения; Дневник в стихах; Статьи и воспоминания*, сост., вступ. ст. Л. Аллена, Санкт-Петербург: «Logos» 1993, с. 67–68.

¹⁰ Вяч. Вс. Иванов, *К исследованию поэтики Блока*, [в:] он же, *Избранные труды по семиотике и истории культуры*, Москва: «Языки славянской культуры» 2004, т. 3, с. 647.

Известная легенда в стихотворении Блока переведена в современный план, о чем свидетельствует введение автомобиля – предмета современного поэту технического мира. Столкновение соблазнителя с Командором трансформируется у Блока в поединок современного человека, лишённого прежних идеалов (Донна Анна спит непробудным сном), с историей и со временем, которые символизирует Командор. В интерпретации символиста Командор является персонифицированным воплощением судьбы, а его шаги символом неизбежности, предопределённости¹¹.

Блок, благодаря использованию эмоционального фона мифа о Дон Жуане и отдельных его деталей, изобразил трагическую судьбу современного человека, лишённого надежды на будущее.

Как мы отметили, связь поэмы Оцупа с поэтическим творчеством Блока осуществляется уже с первых ее строф. Поэма, в целом, изобилует сокращёнными знаками-указаниями на «чужой текст», в каждом из которых в свернутом виде заключен их текст-источник – блоковский текст.

Связь со стихотворением Блока *Шаги Командора* ощутима на нескольких уровнях. Во-первых, Оцуп пользуется сокращёнными знаками-сигналами, получившими в творчестве Блока глубокую символику. Итак, одним из самых многозначных блоковских символов является «туман», передающий атмосферу тревожного и напряжённого ожидания. Стихотворение *Шаги Командора* открывается картиной туманного пейзажа, который сопутствует «страх познавшему Дон-Жуану»:

[...] Тяжкий, плотный занавес у входа,
За ночным окном – туман.

И заканчивается предсказанием приближающегося наказания Дон Жуана:

Только в грозном утреннем тумане
Бьют часы в последний раз:
Донна Анна в смертный час твой встанет.
*Анна встанет в смертный час*¹².

Поэма Оцупа вошла в сборник *В дыму*, в котором именно образ дыма, который подменяется другими эквивалентами: туман, мгла, мрак, является его лейтмотивом¹³. Образ «дыма» и «тумана» выполняет также важную

¹¹ Л. К. Долгоплов, *Александр Блок личность и творчество*, Ленинград: «Наука» 1980, с. 161–162.

¹² А. А. Блок, *Шаги Командора*, [в:] *Дон Жуан русский*, сост. А. В. Парин, Москва: «Аграф» 2000, с. 502–503.

¹³ Л. Аллен, «С душой и талантом...». *Штрихи к портрету Николая Оцупа*, [в:] Н. Оцуп, *Океан времени...*, с. 15.

роль в поэме *Дон Жуан*. «Туман» предзнаменует приближающуюся беду – начало Первой мировой войны. Таким образом, несчастье в поэме Оцупа приобретает не личностный, а общечеловеческий характер:

[...] Мрачен Дон Жуан... Туман.
Над сияющим Босфором
Прожужжал аэроплан.

Гор расколотое чрево,
Океанов темный вой,
Это бомба в Сараево
Разорвала шар земной¹⁴.

Нельзя в этом месте обойти молчанием другой из образов – образ «аэроплана», который наподобие блоковского «мотора» вызывает тревогу и предзнаменует несчастье.

Образ «дыма» в поэме Оцупа, в свою очередь, относится к военным будням и символизирует тоску Дон Жуана, превращенного в силу исторических событий в раненого солдата, по прежней – беззаботной жизни. Перед пребывающим в горячке Дон Жуаном появляется Командор с известием о смерти Эдит от руки ревнивого мужа.

Ревность рыбака поджигает появившийся ему во сне Командор, который внушает мужу мысль о неверности жены, рисуя картину рождения внебрачного ребенка. Картина усиливается, благодаря использованной Оцупом цветовой характеристике. Оцуп противопоставляет синий цвет глаз рыбака черным глазам ребенка – плода измены. Синий цвет – символ вечности, неба, высоты и глубины, постоянства, преданности, правосудия, совершенства, противопоставляется в поэме Оцупа черному – символу ночи, смерти, раскаяния, греха, тишины и пустоты.

Как известно, сине-голубой цвет выполнял тоже очень важную смыслообразующую функцию в поэзии Блока. Он сообщал образу неповторимую страстность, взволнованность, а также способствовал поэтизации образа. В поэтике Блока синий – это символ вечности, а также спутник смерти¹⁵.

Интересно отметить в этом плане цвет глаз рыбаки Эдит, которую Оцуп называет «светлоокой». К светлому цвету глаз можем причислить голубой цвет, символизирующий истину, верность, целомудрие и правосудие. Использование Оцупом положительной символики голубого цвета, а также употребление устаревшей формы слова светлоглазый, позволяет интерпретировать образ Эдит в плане жертвы черноглазого Дон Жуана.

¹⁴ Н. Оцуп, *Дон Жуан...*, с. 68.

¹⁵ С. И. Кормилов, *Преображение прошлого*, «Вестник ПСТГУ» III: ..., с. 55–56, [Электронный ресурс] <http://pstgu.ru/download/1252604854.razbory.pdf> [20.07.2016].

Употребление цветовой характеристики позволило Оцупу перевести образ Эдит в другой план и увидеть в ней не столько неверную жену, сколько жертву соблазителя – поруганную Красоту. Сделанное нами замечание может стать предлогом для углубленной характеристики Эдит, как сниженного варианта Прекрасной Дамы.

Проведенная нами характеристика использованной Оцупом цветовой характеристики является доказательством активного ее участия в философском и эстетическом осмыслении поэтом окружающего мира.

Для выявления интертекстуального потенциала поэмы Оцупа важным является также раскрытие символики петуха. С одной стороны, образ отсылает к блоковским *Шагам Командора*. В поэме Оцупа, как и в стихотворении Блока, петух является провозвестником рассвета, наступления нового дня¹⁶ (привидение мстящего Командора при первых лучах солнца «тонет в белом утре»). С другой стороны, троекратный его крик заставляет вспомнить библейскую трактовку образа, согласно которой птица напоминает об измене и непостоянстве апостола Петра.

Интересно отметить, что у Оцупа крик петуха спасает Дон Жуана от мести Командора. Однако наказания не избегает неверная жена. Сходным образом, в трактовке мифа Оцупом и Блоком, расплата постигает женщин. Такое решение позволяет поэтам сконцентрироваться на жертвах Дон Жуана и усилить трагизм, заложенный в судьбах героинь. Причем, смерть обеих трактуется как вариант сна или сонного бреда. Напомним, что в стихотворении Блока, Анна спит и видит сны. В поэме Оцупа, смерть Эдит передается, благодаря приему сонного бреда, т. е. может восприниматься как вымысел больного сознания, его проекция:

Окровавленное тело
В той лачуге, сквозь стекло.

Кто она? Глаза открыла.
Стонет, падает без сил.
«Ты исчез, она грустила,
И рыбак ее убил».

Раненый уже не бредит,
Пламя по небу. Закат.
Мох шуршит. «Бедняжка Эдит,
Только я не виноват»¹⁷.

Итак, раскрытие новых смыслов поэмы Оцупа стало возможным благодаря учету предшествующей литературной традиции – пушкинской

¹⁶ Больше о символике петуха в поэзии Блока см.: Л. К. Долгоплов, *Александр Блок...*, с. 164.

¹⁷ Н. Оцуп, *Дон Жуан...*, с. 69–70.

и блоковской. Сравнение произведения Оцупа с последующей литературной традицией позволит, как нам кажется, указать на его смысловой потенциал.

Правда, у нас нет прямых доказательств, что очередной интерпретатор донжуановского мифа – Давид Самойлов был знаком с поэмой Оцупа, но несомненным является факт постоянного диалога Самойлова с Блоком. Сопоставительный анализ *Дон Жуана* Оцупа и *Шагов Командорова* Самойлова, отсылающих к одному и тому же литературному источнику – *Шагам Командора* Блока, позволяет сделать ряд интересных замечаний по поводу бытования мифа Дон Жуана в русской поэзии XX века.

Во-первых, стоит отметить, что все названные произведения обращены не столько к донжуановскому сюжету, сколько к сюжет-ситуации. В каждом из них мы находим не очередную интерпретацию известной легенды, а ее отголосок – отдельные мотивы, образы в литературных наслоениях.

Для всех авторов характерно нарушение пространственно-временных координат легенды. Блок переносит героев в современный ему мир в ближе неопределенное пространство. Персонажи Оцупа действуют в России накануне Первой мировой войны. Героям Самойлова пришлось жить в «простом русском городишко» во время Второй мировой войны. Во всех этих произведениях миф о Дон Жуане выступает, таким образом, в качестве ориентира, позволяющего разобраться в условиях дестабилизации ценностного мира и осмыслить проблемы современности.

Для Блока – поэта Серебряного века, образ Дон Жуана, как и других «вечных образов», воплощающих универсальные ценности, являлся притягательным в силу того, что он позволял заново понять основы человеческого бытия и мира. Для Оцупа – поэта-эмигранта, притягательным становится скитальчество Дон Жуана и Командора и их бесприютность. Кстати, мотив тоски по родной стране сильно звучит в следующих словах оцуповского Дон Жуана:

Память сняла якоря,

И любовник вдохновленный
Прямо в прошлое глядит:
На другом конце вселенной
Море теплое шумит –

Там волна его качала,
Бездыханного, – и вот
Снова жизнь, и все сначала,
И любовь в груди растет¹⁸.

---

¹⁸ Н. Оцуп, *Дон Жуан...*, с. 67.

Для Самойлова притягательной в мифе Дон Жуана является возможность изобразить трагизм людей военного поколения, на этот раз, главным образом, женщины. Его героиня – вдова сержанта Командорова, которую соблазняет местный Дон Жуан.

Интересным является применение всеми поэтами приема сна, создающего возможность вернуть мертвых в мир живых, а также нагромождение звуковых характеристик. Напомним, что у Блока появлению Командора сопутствует звук мотора и хриплый бой часов. В поэме Оцуа появление оскорбленного мужа и Командора предвещает скрип половицы, а звук аэроплана предвещает несчастье мирового масштаба. В поэме Самойлова приближение наказания извещает, в первую очередь, скрип калитки. По мере приближения Командорова звук усиливается и переходит в гудение поезда, а затем в ассоциативный звук мотора. Интересно отметить, что во всех произведениях появляются слова, отсылающие к достижениям техники, которые выстраиваются в следующий ряд: автомобиль – аэроплан – поезд. Все они знаменуют приближение наказания. И, с другой стороны, во всех стихотворениях этим «искусственным» звукам противопоставляется «естественный» – пение петуха. В поэме Самойлова в этом звуке заметны не только библейские, но и литературные наслоения (Жуковский, Блок)¹⁹.

Стоит подчеркнуть, что не только присутствие звуков сближает все стихотворения, знаменательно также их отсутствие. Тишина у всех поэтов вызывает определенное настроение ожидания и приближения наказания. Тихине созвучен и холод (см. Блок и Самойлов), символизирующий смерть или ее приближение. В поэме Оцуа сопоставление тишины и холода заменяется сопоставлением холода и белого цвета («холодно и бело, бело...»), который в поэтике символистов ассоциировался со смертью.

Анализ выбранных нами стихотворений может послужить еще одним доказательством тезиса, сформулированного Всеволодом Багно, о силе воздействия и важной смыслообразующей функции мотива расплаты для раскрытия глубинного содержания донжуановского мифа. Мотив расплаты налицо во всех анализируемых нами стихотворениях, благодаря обращению поэтов к фигуре Командора.

По сравнению с первой русской обработкой образа, принадлежавшей Пушкину, Командор в освещении Блока и Оцуа лишается своей «предметности». Он уже не каменный, а сотканный из тумана, дыма, что придает ему неопределенность, неуловимость.

Блоковский Командор вообще лишен внешности. Он какая-то потусторонняя сила, стихия, дух. В стихотворении Блока Командор ассоциируется с роком, силу влияния которого ощущают все смертные, но никто его не видел.

¹⁹ См. об этом: A. Szymańska, *Донжуановская тема в творчестве Давида Самойлова*, „Acta Universitatis Lodzianis. Folia Litteraria Rossica” 2011, № 4, с. 94–104.

В поэме Оцуа Командор – это ожившее в памяти людей старинное предание, плод человеческой фантазии, сновидение, которое исчезает при первых лучах солнца. Оцуповский Командор предстает перед соблазнитель и неверной женой как «каменный вожатый». Камень как символ незыблемости, надежности, вечности выступает в поэме антитезой разрушения, непостоянства, мимолетности жизни. В свою очередь, Командор-вожатый может восприниматься как мифический Харон, указывающий дорогу в подземное царство «предателю». Тем самым, Командор становится в восприятии Оцуа символом расплаты. К тому, он всезнающий – Дон Жуан называет его «Соглядатаем суровым», и всеильный, так как заранее знает человеческую судьбу. Характеристика Командора в поэме Оцуа завершается определением «проклятый», которое может ассоциироваться то с человеческой судьбой, то с историей, то с какой-то демонической силой, от которых человек может освободиться лишь благодаря очистительной и перерождающей силе огня («Изойди огнем, проклятый!»).

В свою очередь, образ Командора в поэме Самойлова олицетворяется. Это не безликий камень, а старший сержант Командоров – отважный защитник родины. Его героическая смерть ставит его на пьедестал Истории и переводит в ряды военных героев, лишая его, однако, личностных черт, позволяющих увидеть в нем страдающего и обиженного мужа.

Итак, в трех поэтических проявлениях первой половины XX столетия Командор проходит путь от каменной, ожившей чудесным образом статуи, через мираж, к исторически определенному образу.

Сравнительный анализ поэмы *Дон Жуан* Николая Оцуа позволил нам раскрыть ее ассоциативный характер, а также смысловой потенциал, который выявляется за счет рассмотрения ее как важного звена в литературном процессе.

References

- Allyen, L'yu. „*S dushoy i talantom...*”. *Shtrikhi k portretu Nikolaya Otsupa*. In: Otsup, Nikolay. *Okean vremeni: Stikhotvorieniya; Dnevnik v stikhakh; Stat' i i vospominaniya*. St. Petersburg: Logos, 1993: 3–24.
- Bagno, Vsevolod. „*Kamenny gost*” *Pushkina kak perekrostok drevneyshikh legend i mifov*. In: *Rossiya i Ispaniya: obshchaya granica*. St. Petersburg: Nauka, 2006: 235–241.
- Bagno, Vsevolod. *Rasplata za svoeyevolie, ili volya k zhizni*. In: *Mif o Don Zhuane*, ed. Vsevolod Bagno. St. Petersburg: Terra Fantastica 2000: 6.
- Blok, Aleksandr A. *Shagi Komandora*. In: *Don Zhuan russkiy*, ed. Aleksey V. Parin. Moskva: Agraf, 2000: 502–503.
- Dolgopopov, Leonid K. *Aleksandr Blok lichnost' i tvorchestvo*. Leningrad: Nauka, 1980.
- Ivanov, Vyacheslav Vs. *K issledovaniyu poetiki Bloka*. In: *Izbrannye trudy po semiotike i istorii kul'tury*. Vol. 3. Moskva: Yazyki slavyanskoy kul'tury, 2004: 647.

- Kormilov, Sergey I. „Preobrazhenie proshlogo”. *Vestnik PSTGU III: Filologiya*, 2 (16), (2009): 55–56. <http://pstgu.ru/download/1252604854.razbory.pdf>
- Magomedova, Dina. „Aleksandr Blok ‘Neznakomka’: vnutrennyaya struktura i kontekst prochteniya”. *Vestnik PSTGU III: Filologiya*, 2 (16), (2009): 55–56. <http://pstgu.ru/download/1252604854.razbory.pdf>
- Otsup, Nikolay. *Don Zhuan*. In: *Okean vremeni: Stikhotvorieniya; Dnevnik v stikhakh; Stat'i i vospominaniya*. St. Petersburg: Logos, 1993: 65–70.
- Pikov, Gennadiy. *Don Guan i Don Khuan: vzglyad istorika na problemu vospriyatiya ispanskoy kul'tury v Rossii nachala XIX veka*. In: *Mifema „Don Zhuan” v muzykal'nom iskusstve i literature*, ed. Boris A. Shindin, Yevgeniy G. Gurenko et al. Novosibirsk: NGK, 2002: 43–93.
- Safronova, Yekaterina A. *Poeziya N. A. Otsupa 1918–1930-kh godov v kul'urno-istoricheskom aspekte*. Avtoreferat dissertatsii na soisk. uch. step. kand. filol. nauk. Tomsk, 2015.
- Szymańska, Aleksandra. „Donzhuanovskaya tema v tvorchestve Davida Samoylova”. *Acta Universitatis Lodzianensis. Folia Litteraria Rossica*, № 4, (2011): 94–104.
- Yakobson, Roman O. *Statuya v poeticheskoy mifologii Pushkina*. In: *Raboty po poetike*. Moskva: Progress, 1987.